

Социально-психологические аспекты девианций в Венгрии

И. Вингендер,
профессор

I. О природе девианций

Общественные науки долгое время пытаются выработать единое и отвечающее требованиям науки понятие девианций. Приблизительные и, по большому счету, принятые в науке определения уже родились, однако общепринятого пока еще нет. Поэтому девианцию мы понимаем согласно следующим двум критериям:

1. В качестве отправного момента можно принять классическое приближение, описывающее формы девиантного поведения как отличающегося от общественных норм, нарушающего их. Однако отклонение от социокультурных норм не является достаточным критерием девиантного поведения, так как не от всех норм отклонение и не все формы его проявления считаются девианцией.

2. Таким же важным моментом приближения видов девиантного поведения является принятие во внимание того, что общество в соответствии с его культурными особенностями из ряда форм поведения, нарушающих нормы, выбирает определенные из них и расценивает как девиантные.

Девианция, таким образом, является, с одной стороны, своеобразной формой поведения, более того, образом жизни, жизненным стилем, а с другой — общественным суждением, субъектом которого выступает культура общества, а объектом — форма поведения, а также ее носитель. В связи с этим возникают две важные проблемы:

1) так как общественная культура сама по себе не способна непосредственно провести упомянутую программу оценки, возникает потребность в таком субъекте или субъектах, которые осуществляют данную программу от ее имени или по крайней мере в процессе суждения ссылаются на нее. Носитель культуры в процессе суждения о девианциях различен в различных обществах: в демократически построенных и таким образом действующих обществах этот круг задач выполняют в основном институты гражданской сферы, тогда как в других обществах — прежде всего представители власти;

2) необходимо выяснить, что служит основой оценки, какие нормы и субкультуры являются критериями выделения девиантного поведения. (Этот вопрос, естественно, тесно связан с предыдущим.) В большинстве случаев девиантными считаются те формы поведения, которые резко отличаются от средних, привычных для данного общества, культурно зафиксированных в его истории, впитанных и благодаря всему этому толерантно воспринимаемых членами общества проявлений или же по какой-то причине оказываются особо порочными, вредными для всего общества. Опасности, грозящие всему обществу, естественно включают в себя самих лиц, допускающих девианций, поэтому произведенные ими девиантные действия и их негативные последствия также имеют место при оценке девиан-

та. В этом смысле оценка девианта представляет собой одновременно исключаящий, дифференцирующий и сегрегальный, а также защитный механизм.

У девиантного поведения есть одна, служащая недостаточным критерием, объективная определенность и одна субъективная, определенная обществом или одной из его подсистем социальных институтов граница. Из этого следует, что под девиантным поведением понимаются лишь определенные проявления, таким образом обрисовываемый круг девианций меняется в различных обществах. В то же время нельзя забывать о том, что круг правонарушаемого поведения гораздо шире девиантного, и, так как оценивающий аттитюд и стоящая за ним общественная культура изменяются, принятый круг девианций также может измениться: одни проявления могут выйти, а другие войти в эту группу. Существуют различные стадии входа и выхода, подготавливающие изменение, и поэтому можно говорить о видах поведения, приближающихся к кругу девианций или отдаляющихся от такового. В качестве примера можно отметить изменение суждения о курении, которое скорее приближается к девиантной оценке, в отличие от вопроса о гомосексуальности, существенно удаляющегося от такого рода оценки.

II. О теориях девианций

Общественно-культурный фон девиантных форм поведения помимо определения круга девианций обуславливает и то, как часто возникают в данной общественной среде формы поведения, нарушающие нормы и расцениваемые как особо тяжелые проблемы. Всем известно, что общество без девианций не существует. В то же время проявления, нарушающие нормы, могут находиться на относительно терпимом уровне, быть управляемыми или же пронизывать жизнь общества и тем самым определять образ жизни всех граждан данного общества, хотя бы тем вынуждая их считаться с присутствием и влиянием на собственную жизнь. В венгерском обществе сегодня прослеживается последняя ситуация. Члены общества вынуждены считаться с тем, что переступающие нормы формы поведения более или менее регулярно присутствуют в окружающей их среде или даже в их жизни.

Как известно, в венгерском обществе число девиантных форм поведения чрезвычайно высоко. Можно выделить два вида поведения, при которых особо нарушаются нормы:

- во-первых, традиционно частые проявления, которые на протяжении десятилетий или даже столетий с высокой частотой наблюдаются в венгерском обществе. Такие формы поведения представляют собой самоуничтожающие девианции (алкоголизм, самоубийство и частично неорганические ментальные заболевания);
- во-вторых, вновь нарастающие девианций, которые раньше не были характерными для венгерского общества, но в последние десятилетия обнаруживают тенденцию к возрастанию (уголовные правонарушения, различные проявления агрессивности, расизм и некоторые заболевания, которые в своем большинстве не называются девиантами, но часто приводят к такого рода формам поведения).

Венгерское общество отличается высоким уровнем девианций: около 0,035 % составляют самоубийства (несколькими годами раньше их было около 50 %), насчитывается более 1 млн алкоголиков на основе формулы Jellinek (согласно которой каждый восьмой взрослый — алкоголик), около 200 тыс. человек постоянно употребляют наркотики, 50 тыс. из них — наркоманы, более 500 тыс. преступлений ежегодно становятся известными, 40 % взрослого населения являются невротиками. Настораживает не только объем девиантного поведения, но и тенденции его изменения: за прошедшее десятилетие сократилось лишь число самоубийств, число же алкоголиков увеличилось в 4 раза, употребляющих наркотики — в 10 раз, преступлений — в 5 раз, по крайней мере в 3 раза возросла численность ментальных заболеваний.

Снижение количества самоубийств в последние годы происходит, с одной стороны, благодаря налаженному психологическому и психотерапевтическому обслуживанию населения, улучшению качества антидепрессантных медикаментов, их своевременного применения, а с другой стороны, благодаря тому, что алкоголизм «забирает» у самоубийства его исполнителей, многие раньше умирают от цирроза печени, чем смогли бы покончить жизнь самоубийством. (По смертности от цирроза печени Венгрия стоит на первом месте в Европе, такого рода смертность среди мужского населения в 1,5 раза больше, чем в Молдове, стоящей на втором месте, в 3 раза больше, чем в соседней Словакии или в России, и в 7 раз больше, чем в Польше или в Финляндии. Тяжесть ситуации иллюстрирует также то, что для относительно молодых людей (30 — 40 лет) в основном характерен морталитальный перевес венгерского общества. По отношению к женщинам ситуация несколько лучше.) Возникает вопрос: что служит причиной такого высокого уровня девианций в нашем обществе?

Биолого-генетические объяснения формирования и распространения девиантных форм поведения зачастую терпели поражение или только косвенно и частично касались этой специфики общества. Психологические доводы более реально и основательно раскрывают роль общественно-психических и индивидуально-психологических факторов, выступающих фоном девианций. Душевное состояние венгерского общества можно описать как своего рода угрюмую, пессимистичную, пропитанную самобичеванием модель, и эта модель однозначно является причиной девианций с очень большой долей самоуничтожающих поведений. В то же время анализ данного душевного состояния влечет за собой вопрос «почему?». Непосредственным объясняющим элементом девианций, бесспорно, является ряд психических факторов, но за ними прежде всего стоят историческо-культурные особенности общества. Сегодня большинство социологических теорий объясняют распространение форм девиантного поведения интегрированностью общества. Особо важным свойством интегральности является общественная аномия, которую различные социологические теории рассматривают с разных точек зрения, но в конечном итоге приходят к довольно сходным выводам.

Дюркгейм характеризовал аномию как состояние отсутствия ценностей в промежутке между недействительной старой и несформированной, безорганичной новой структурой норм и ценностей, при котором члены общества не знают, что хорошо, а что плохо, что допускается, а что нет. Мертон описывает эту ситуацию в обществе как расхождение общественных требований, культурно принятых жизненных целей с имеющимися в распоряжении учрежденными средствами. Дарендорф видел в этом ослабление общественных привязанностей, Макивер — ослабление социальных и эмоциональных контактов, Хаберман — противоречие между интеграцией режима и культурной интеграцией (идентификация с общественным устройством).

В каждой из теорий возникает проблема интегрированности, дееспособности, организованности и предсказуемости общества. Аномия, как известно, усиливается в период реорганизации общества, а именно в связи как с общественными регрессиями, так и с быстрыми прогрессивными процессами. Развитие венгерского общества за последние полтора столетия было историей аномийных общественных состояний. Один за другим следовали политические, экономические и культурные изменения, социальное же развитие находилось то на относительно быстром подъеме, то — чаще — в упадке. Общественная дезинтеграция приняла почти постоянный характер, что проявилось, с одной стороны, в макрообщественных отношениях (структура, мобильность, система ценностей, культура и т. д.), с другой стороны, в микросоциальных сферах (система образования, семья, цивилизная сфера, вера, мир труда и т. д.).

Особенностью венгерского общества является то, что аномийное состояние общества в макро- и микросфере почти всегда возникает, очень редко происходило так, что один из уровней усиливал общественную интегральность в ущерб другому.

Следующая особенность венгерского общества заключается в том, что аномийные ситуации глубоко пропитывают структуру общества. Ценности и нормативные кризисы, отсутствие средств, необходимых для претворения культурных целей, общественные иллегитимации, как правило, не оставались на уровне общественного сознания, они не только создавали культурные и душевные кризисные ситуации, но и объективировались в структуре учреждений общества, его построении и механизме действия и поэтому органически вращались в макроструктуру общества. Все это свидетельствует о том, что сегодняшнему венгерскому обществу необходимо бороться не только с актуальными ситуациями аномии, но и с последствиями принесенных с собой из прошлого и сказывающихся на настоящем ситуаций.

III. Девиантно-специфические особенности венгерского общества

Быстрые и интенсивные социальные преобразования, аномийные ситуации оставили глубокие следы в структуре венгерского общества. Они заметны, во-первых, в структуре общества, во-вторых, в системе отношений между общественными группами, в-третьих, в особенностях функционирования общества (структура системы учреждений) и социальной жизни (модели образа жизни).

Классик венгерской социологии Ф. Эрдеи описал венгерское общество в период между двумя мировыми войнами как раздвоенное общество. Суть данной двойственности заключается в том, что по причине отставания общественного развития параллельно существовали и действовали сохранившаяся модель феодально-построенного общества и складывающееся гражданское общество. Общественные группы, адекватные двум строям, были противопоставлены друг другу и отстаивали свои социальные, экономические и политические идеи. Существенным источником напряжения служило культурное различие этих групп, так как признаваемые одной стороной ценности, нормы, привычки, традиции и формы жизни были чужды другой. Данная ситуация породила конфликт между членами общества, органической частью которого стали разделенность, общественная сегрегация и дискриминация. Раздвоенная система норм означала, что существует альтернатива признаваемой ими культуре, а более или менее интериоризованные ценности нестабильны и неоднозначны для большинства людей.

Начиная с 50-х гг. двойственная структура общества, по существу, в административном порядке была ликвидирована. Прекратили свое существование сословные и гражданские группы, так как лишились экономических основ, в то время как служащие фоном культурные элементы (ценности, нормы, традиции, менталитеты, душевные диспозиции) в этот период сохранялись. В сфере культуры эти факторы действовали в качестве элементов, формирующих и определяющих сознание, правда, без социального носителя (структурные единицы, легальные организации, легитимные символы, реализованные жизненные формы).

Состояние раздвоения сознания, сложившееся в обществе, усилилось конфликтом, заключающимся в том, что признанные и принимаемые ценности были подавлены появляющейся системой ценностей и норм, которая, по существу, была чужда большинству членов общества. Эту систему ценностей и норм, введенную властью, необходимо было официально принимать и представлять не только в «торжественной» сфере общественной жизни, но и в повседневности. Двойственность сознания, а значит, потеря культурной идентичности, в конечном счете аномия одновременно существовали в трех следующих измерениях:

- феодальная культура — гражданская культура;
- собственная интернализированная культура — чуждый ей общественный строй;
- традиционная культура — принужденная культура.

В последние десятилетия в развитии венгерского общества все еще сохранялась раздвоенность общественного сознания. По сравнению с 50-ми гг. большая часть общества по крайней мере частично идентифицировалась с появившимися чуждыми культурными требованиями, была проведена своего рода социализация на уровне общественного действия, мышления и чувств. Естественно, эта интериоризация по-разному протекала на различных уровнях. Неравномерная социализация новой системы ценностей для личности означала неопределенность и непредсказуемость макросреды, более того, ожидаемого общественно-го поведения, мышления, чувственной привязанности членов микросреды.

Более крупные проблемы идентификации проявились тогда, когда после смены режима стала недействительной прежняя формальная система ценностей и большинство членов общества оказалось в ситуации, когда ранее усвоенные нормы и соответствующие им поведение, формы сознания и чувства стали неадекватными. Возникла ситуация, когда люди должны были отречься от определенных моментов собственной жизни, так как выяснилось, что они были незаконными и неверными. (На первый взгляд незначительным, но на самом деле весьма характерным проявлением этого была практика, в соответствии с которой во время смены режима любой желающий мог переписать свою автобиографию, находившуюся у работодателя.) Это есть крайний, но отнюдь не редкий случай ситуации, когда многим людям пришлось отречься от поступков, мыслей, чувств и формальных привязанностей, которые они на самом деле не чувствовали своими. Результатом является возможность получить картину тотальной аномии общества.

Перемены в структуре общества также послужили углублению аномии. В период между мировыми войнами для большинства членов общества чувство неизменности социального статуса и существующая действительность были сильным удручающим фактором. После Второй мировой войны, наоборот, чрезмерно быстрые и в основном сверху управляемые процессы реорганизации дезинтегрировали венгерское общество. Политическая смена власти после 1948 г. для прежней элиты означала резкую смену статуса — падения вниз, а для политической элиты рабочего класса — возможность перемещения вверх. Обе общественные группы оказались в чужой, до сих пор никогда не существовавшей ситуативной, ролевой и статусной среде. Последствия этой смены потому были относительно незначительными, что касались малого числа людей как с одной, так и с другой стороны. Иная ситуация наблюдалась с 50-х до середины 70-х гг., когда продолжался процесс мобилизации (перемещение из сельского хозяйства в промышленность, из деревни в город и связанная с этим в значительной степени смена статусов). Волна этой мобилизации растянулась на долгое время и затронула большое число людей. В то время в Венгрии возникла миграция, какой не было ни в одной из развитых стран. В самой непосредственной форме она повлияла на жизненные условия чуть ли не каждого третьего жителя страны.

С середины 70-х гг. начался рост роли интеллигенции. С 80-х гг. и до наших дней наблюдается упадок, обеднение значительной части среднего слоя. Параллельно в тысячах различных форм вынужденно произошел чрезвычайно быстрый рост предпринимательства. Рассматривая любой из процессов мобилизации за последние десятилетия, можно сделать следующие заключения:

- группы, сменившие свое положение, зачастую в первый раз в истории приобрели новый статус и поэтому не только в личностном, но и в культурном аспекте оказались в чуждой им общественной среде;
- новое общественное положение в основном приходило на смену глубоко впитанной, в корне интериоризованной культуре, что углубляло разрыв между старой и новой культурами;
- процессы мобилизации протекали между удаленными друг от друга общественными позициями (политическое преследование — власть, крестьянская форма жизни —

рабочая жизнь, сельское общество — сфера метрополиса, рабочая жизнь — позиция интеллигенции, средний класс — положение бедноты, жизнь служащего — предпринимательская деятельность и культура). Таким образом, значительная культурная разобщенность сама по себе снижала возможность усвоения культуры;

- наиболее характерной особенностью всех процессов мобилизации является управление ими сверху.

Результатом всех этих процессов стало то, что люди приобретали новый статус вопреки своим общественным стремлениям:

- в новой общественной позиции оказывались люди, которые не соответствовали ей по своим способностям и призванию;
- процессы мобилизации касались лишь части определенных жизненных сфер, в то время как в остальных люди оставались иммобильными, что приводило к конфликтам в общественном изменении и прежде всего в жизни причастных к нему лиц. (Задумается, например, над тем, с каким отставанием следует за индустриализацией адаптация к городской жизни, за преобразованием экономической структуры — развитие предпринимательской культуры, за темпом моторизации — формирование транспортной морали или за реформой политической системы управления — изменение политических ценностей);
- трудности усвоения культуры стали помехой в процессе мобилизации. Общественные изменения позиций, формально расцениваемые как развитие, в большинстве случаев сопровождалась потерей идентичности, утратой способности к социальной ориентации, депривацией отношений, чувством безнадежности и т. д.

Стоит отметить, что изменения, перевернувшие жизнь венгерского общества, дезинтегрировавшие как его социальную структуру, так и положение отдельных лиц, начиная с 80-х гг. замедлились, позднее с точки зрения крупных общественных групп, по существу, прекратились (если принимать во внимание обеднение средних слоев и образование немногочисленной новой элиты). Таким образом, структура венгерского общества законсервировалась в своего рода болезненном состоянии, а это заключительный критерий распространения аномии.

С момента смены режима аномийное состояние венгерского общества прослеживается во многих, частично упомянутых ранее сферах. Анализируя девиации, особенно девиации самоуничтожения, необходимо подчеркнуть еще один момент. Венгерское общество из-за своего замедленного развития, средне-восточноевропейского общественного устройства, особого политико-географического расположения традиционно базировалось на патерналистских, авторитарных принципах. Во многих отношениях эти факторы потеряли свою силу после смены режима, а некоторые из них превратились в свою противоположность. Это особенно бросается в глаза в сферах, непосредственно определяющих повседневную жизнь людей (государство — индивид, власть — гражданин). Если в западноевропейских обществах человек из феодальной подчиненности за столетия превратился в гражданина, то в Венгрии этот процесс осуществился в своей противоречивой форме, по существу, за несколько лет, более того, за несколько месяцев.

Не может не тревожить сложившаяся в стране после смены режима система социальных различий. С одной стороны, усвоенная ранее идея равенства вызвала у значительной части венгерского общества подозрительность и нетерпимость по отношению к собственности, продуктивности, повышенным способностям и с их помощью достигаемым результатам. С другой стороны, неравенство приобрело небывалые размеры, что мешает проявлению общественной солидарности и чувства справедливости и приводит к нарушению норм.

IV. Об учреждениях венгерского общества

Общественная интеграция происходит, естественно, не только на макро-, но и на микроуровне. Характерно, что интегрированность макро- и микроуровней, а также их интегративная потенция довольно адекватны друг другу, так как общественные учреждения обычно копируют отношения и состояние макрообщества. (Правда, есть и исключения. Известно, что глобальную дез-интегрированность польского общества достаточно хорошо компенсирует польская католическая церковь, а также коллективное историческое сознание польского общества. В то же время интегрированность немецкого социального строя гражданская сфера копирует относительно неполно.) В Венгрии наблюдаются соответствующие макроотношениям микрообщественные отношения. Важнейшие общественные учреждения страны развалены, ослаблены, аномийны, как и само общество.

Потенциально сильную интегрирующую роль веры, а также церкви ослабляют по крайней мере три фактора:

В Венгрии (по сравнению, например, с Польшей или Россией) ни одна церковь не играет исключительной роли, а исторические церкви разделены по их влиянию, значительности.

В Венгрии христианские ценности не были настолько вескими (и сегодня они не таковы), чтобы церковь приобрела интегрирующую роль по отношению к обществу. (Даже если принимать во внимание, что ценности и нормы веры действуют не только в самом верующем обществе.)

С момента смены режима наблюдается рост числа верующих в первую очередь не в исторически крупных церквях, а в новых церквях и сектах. Интегрирующая роль общества для таких учреждений не совсем ясна, для многих отсутствие легитимности и борьба за нее оказывают дезинтегрирующее влияние, по крайней мере, в направлении общества.

Семья как самое главное социализирующее и интегрирующее учреждение находится в таком же плачевном состоянии. Антисемейная идеология 50-х гг., негативные влияния на семью, оказываемые обществом 60 — 70-х гг., начавшийся в 80-х гг. экономический спад и кризис ценностей, а также продолжающиеся и в последние годы чрезвычайно усилившиеся процессы индивидуализации, дополняемые взрывоподобным изменением общественно-экономической активности женщин (массовые поступления на работу), ускорением процессов модернизации общества, действие либерального семейного права, сокращение систем поддержки семьи, несоответствие новых систем ценностей и ценностей, связанных с семьей, безусловно, вели к дезинтеграции, дезорганизации семей. Для венгерского общества характерно следующее:

- 1) чрезвычайно высоко число разводов (из 100 заключенных браков больше 40 расторгаются);
- 2) падает число желающих заключать брак, значительно меньше стало повторных браков;
- 3) в наши дни падает рождаемость, в упадочном состоянии находится исполнение функции семьи, касающейся репродукции общества;
- 4) все больше браков оказываются проблематичными;
- 5) все более исключительную роль играют нуклеарные семьи, потерявшие существовавшие ранее преимущества совместного проживания нескольких поколений;
- 6) для семей характерна потеря воспитательной функции. «За развитие ребенка родитель ответствен лишь частично. Акушеры помогают ребенку появиться на свет, детский врач ответствен за заболевания и их излечение, учителя — за знания. Торговая сеть и пищевая промышленность — за питание, телевидение — за мифы... Все увеличивающиеся статистические данные преступности и подростко-

вой преступности, самоубийств и нервных потрясений... убеждают в том, что благотворительные учреждения далеко не идеально заменяют семью», — пишет Кристофер Лаш¹ о явлении, которое становится доминантным и у нас;

- 7) режим действия существующих семей зачастую проблематичен (высокая степень аддикций, безработица, конфликты между поколениями и т. д.);
- 8) действие традиционного семейного учреждения все труднее удается синхронизировать с реально возникшими ценностями.

Такого схематичного описания положения семьи достаточно для того, чтобы представить аномийное состояние самого главного элемента общества. Принимая во внимание, что семья призвана выполнять основную задачу культурной репродукции общества (социализация), не трудно понять, что дезинтеграция семьи является не только последствием общественных процессов, но и причиной будущих общественных изменений.

Функцию социализации выполняют в Венгрии учебные учреждения. Венгерская система образования с точки зрения уровня передаваемых знаний даже по сравнению с международными требованиями имеет чрезвычайно высокий уровень. Именно поэтому опосредованная через нее культура доступна далеко не каждому подростку. На протяжении десятилетий повседневным вопросом является реформа венгерской школы и системы образования в целом. Сегодня школа не только не способна стать противовесом тем общественным влияниям, которые склоняют человека к девианциям, но и сама принимает участие в формировании девиантного поведения. Коротко это можно выразить следующим образом:

1. Венгерская система образования является селективным учреждением, так как рассчитана на обучение подростков интеллигентного происхождения, а членов других групп общества лишает их шанса.

2. Венгерская школа — чрезвычайно упорядоченное, практикующее сильный общественный контроль учреждение, которое определенным образом влияет не только на поведение, но и на мышление, чувства и диспозицию детей, давая им очень мало автономии.

3. Школа в ее структурном аспекте располагает строгим организационным построением и особенностями действия и в значительной степени разделяет группы в отношении власти.

4. Венгерская система образования, как и семья, действует в основном по авторитарным принципам, опирающимся на традиции, и трудно приспосабливается к изменениям, протекающим в других структурах общества.

5. Система образования и общество не успевают за изменениями, взрывообразно происходящими в обществе и прежде всего в экономике.

6. Существование и действие учебных учреждений обременяют проблемы легитимности. Парадоксальным образом школы, становящиеся все важнее и выполняющие все больше функций, вынуждены бороться с проблемами выживания.

7. Школы кроме решения задач образования и воспитания часто вынуждены брать на себя функции, которые не всегда входят в их компетенцию: духовное воспитание, развитие личности, развлечение, религиозное воспитание, формирование политической системы ценностей и т. д.

8. Экзистенциально, морально, профессионально дезинтегрированное педагогическое общество является таким же элементом наблюдаемой в сфере образования аномии, как и группа учащихся. В этом смысле педагогическая группа вряд ли может служить надежной защитой от различных девианций.

¹ Лаш К. Общество самолюбия. Будапешт, 1984. С. 205.

Анализируя другие общественные учреждения, можно заметить, что в их действии регистрируются подобные аномийные положения. Структурные и функциональные особенности рабочих мест, гражданских организаций, политических учреждений, спортивных и других экспрессивных сообществ в такой же мере дезинтегрированы, как и упомянутые учреждения.

Роль и значение общностей современников — также в результате утраты семьей своей функции — чрезвычайным образом возросли. По существу, они превратились в среду первичной социализации. Молодежные организации выполняют те элементарные функции, которые раньше обеспечивали различные общности; они концентрируют и делают понятным символический мир современного поколения, означают символ и непосредственное окружение в противостоянии взрослому обществу, обеспечивают разъясняющие и легитимные идеи, ценности, идеалы предлагают интенсивные совместные переживания и т. д. В то же время субкультура молодой общности во многих отношениях грозит формированием различных девианций, в основном поведений злоупотребления, среди которых важнейшую роль играют употребление наркотиков, проблемное питье и злоупотребление психотропными средствами. Угрожающее влияние общностей современников проявляется в следующих элементах, влияющих на образ жизни и культуру молодого поколения:

1. Наряду с общностями, образующимися по месту жительства или в школе, все чаще возникают объединения подростков в бесконтрольном окружении (улицы, места развлечения и т. д.).

2. В общностях одноклассников доминирует система приятельских отношений (все реже встречается дружба в ее традиционном понимании, что, очевидно, связано с особенностями, упомянутыми в пункте 1). Группы становятся очень большими, что, во-первых, исключает переживание интимности, доверительности, эмпатии и т. д., во-вторых, делает непредсказуемым поведение группы, вынуждает подростков идти на довольно серьезные компромиссы.

3. Внутригрупповые связи остаются амбивалентными (разные в зависимости от времени, личности, случая) или нейтральными. Характерно, что в спонтанно образованных больших группах много одиноких подростков.

4. Молодежные общности имеют иерархическую структуру, часто состоят из молодых людей различного возраста, что приводит к отношениям подчинения и повелевания. Так, старшие в большей степени склонны к девиантному поведению, чаще применяют наркотики, а их поведение и привычки становятся нормой для всей группы. Такое влияние ускоряет девиантную карьеру младших.

5. Жизнь групп характеризуется конфликтами, которые возникают как внутри группы, так и за ее рамками. Все чаще конфликты в отношениях между различными группами перерастают в агрессию. Межгрупповые отношения в высокой степени характеризуются отвержением, нетерпимостью, образом мышления, основанным на предубеждениях, и дискриминацией.

6. Характерным фактором общности является любовь. Выбор любовного партнера обычно происходит не внутри группы, а в других сферах, иногда в другой группе, что само по себе включает возможность возникновения конфликтов, принужденности выбора, сложной ситуации принятия решений. При выборе личного партнера не принимается во внимание его причастность к какой-либо форме девианций, к применению наркотиков. В результате биологической акселерации все чаще еще до достижения полной психосексуальной зрелости начинаются любовные отношения, сексуальная жизнь. Это приводит к разочарованию, травмирует души подростков.

7. Отношения в таких группах обычно сводятся к обсуждению происшествий, развлечениям, касающимся исключительно личности участников (иногда членов конкурентных компаний).

8. Культура молодежи проявляется прежде всего внешне: в одежде, формах развлечения, музыкальных пристрастиях. Для молодежных групп характерно отсутствие образцов идеалов, идолов, чему способствуют чрезвычайно формальная гетерогенность влияний и бедность общества.

9. Все более весомым элементом структуры деятельности молодежи становится занятие бизнесом, которое является не только средством существования, но и целью жизни.

Перечисленные макро- и микрообщественные особенности однозначно указывают на аномию венгерского общества, изменить которую можно лишь с помощью долгосрочной общественно-политической программы. Прежде всего, необходимо обеспечить медицинское воспитание, психотерапию, разработать программы помощи подросткам, профилактические стратегии. Однако только эти меры, без изменений общественных норм, не дадут ожидаемого результата. Значительных результатов можно достичь лишь в случае, если эту превентивную, лечебную деятельность соединить с программой оздоровления всего общества.